

***

Опять гнилая осень на дворе...
Мну сигарету долго и бесцельно
и растворяюсь в этом октябре —
как капля в целом.

С самим собой, что с небом говорить,
где даже эхо мне не отвечает.
Курить бросаю, чтоб... начать курить,
чтобы начать бросать курить сначала...

Порочный круг желаний и обид:
мы встретились... расстанемся врагами...
И осень безысходная, как быт,
и месиво из листьев под ногами...

***

Есть причины платить по счетам,
Распадаясь на вечность и лень,
На усталость, на как бы нетленность,
Как бы на неподвластность годам.

Этот тополь живет живых,
Сколько помню себя, столько помню
Я его неизменную позу,
Как с листвою, так и без листвы.

Этот двор, точно пройденный вброд
Океан шириною в полвека,
Как хранилище веры и света —
Этот старый пустеющий двор...

Эта девочка с куклой в руках
В светлом платье, будто на вырост...
Это время сквозное, навывлет, —
Сединой у виска...

***

В краю, где слово Родина — под гнётами идей,
среди таких же кинутых и преданных людей
мне как-то скупомыслится, что снова ляжет снег...
Уж лучше б сразу вывели, поставили к стене,
к стене глухой, как кладбище... и чтоб была листва
опавшая. А главное, успеть едва-едва
вдохнуть немного осени и холодок стены,
открыть ладонь с осколками небесной тишины... —
щелчок от ветки сломанной, скупой, сухой щелчок...
И словно всё закончится. И всё. И — ничего.

***

По жизни — автостопом и пешком,
Всем песню пел, встречал кого в дороге...
От деда с бабушкой далеко ушёл,
Сказать по-русски — далеко-далёко.

Они в земле, родимые, лежат —
Под Омском дед, а бабушка на Алтае...
Шёл, как бежал.
А от кого бежал... и что нашёл?..
И где
Себя
Оставил?

Теперь лишь ждать, как обречённо ждёт
Прохожий запоздалого трамвая,
Как колобок, которого сожрёт,
Не поперхнувшись, плесень мировая...

Мне б сохранить закваску да печаль —
Как сухари и вкус, и запах хлеба
Хранят, —
Тогда б не пел. Тогда б молчал.
И молча, не спеша бы слушал небо.

*Русскому историку
Сергею Исупову*

Древнее поле запущенно наглухо.
Ни перепутья какого дорожного,
Ни тебе камня с развилочной надписью...
Что-то застывшее... пустопорожнее.

Где же вы, песни родные росистые,
Удаль безбрежная, даль благовестная?
Гнили таёжные, хляби российские... —
Знаменье крестное.

Будто утрачена светлая заповедь
Исповедальности хлебного колоса —
Пресное время, без вкуса, без запаха,
Время — без голоса,
Точно застыло над древнею пустошью
Скифскою Бабою в мёртвом безветрии...

Мы ли, бредущие полем запущенным
В том безвременье ли, в этом безверии?

Часы

Куда они идут? Зачем они спешат? —
Как будто жизнь — сейчас, и завтра нас не станет...
Реальность такова, что теплится душа,
покуда уголёк её ещё мерцает.

Как будто полынью, затягивает льдом
окно во внешний мир. И этой вот порою
Читается легко, да пишется с трудом,
и мыслится с трудом о том, что мир огромен...

Огромен ли?.. Тик-так, вот — стол, вот — стул. Окно, затянутое мглой... Тик-так, тик-так... А дале — стена, ещё стена. И что за той стеной, за каждою из них?..

Лишь неизвестность давит.

Как будто воздух сжат в чулане временном,
И вечность, как куржак, настыла над окном.

***

«Вначале было Слово»...

Но — пришло
иное время: время-ремесло...

«И Слово было — Бог»...

Но век поблэк,
и стал ронять в тираж — что листья в осень клён —
ненужные, как прах (ну, разве, для венка...
что проку в них теперь, когда больны века
утерей смыслов и утратой естества!..),
разменные уже — слова, слова, слова...

Вторичные как всё — как память! как душа! —
не то чтоб прозвучать, лишь под ногой шуршат,
конструкции из букв, где правит — ё-моё! —
всеядный интернет... вторичное сырьё...
Забвеньё — вот удел потери естества,
«Вначале было...», но — в размен — слова, слова...
И потребляя их вторичный
«как бы смысл»,
врастаем в чью-то сеть...
Где мы — уже не мы.

Памяти Николая Шипилова

В общежитии, где ангелы гостят,
Где поэты меж запоями живут —
В этом храме, словно в Спасе на... костях... —
Но отсюда, Коля, нас и призовут...

Без повестки призовут, но точно в срок.
Перекурим, да и бросим мы курить...
Увлеклись мы, Коля, эту игрой,
Но честнее здесь сказать, чем говорить.

Ну а коли ты запел, то нужно пить,
Потому как без питья — одно враньё.
Ну а пьют здесь, как ведётся, чистый спирт,
Наливают, как известно, без краёв...

Слышишь, Коля, то басовая струна
Надорвалась, как на взлёте, и навзрыд...
И поехала-пошла. И понеслась
На пределе. На краю... Да под обрыв.

На краю — а людям слышится: «В раю», —
Где твой голос хрипловатый зависал...
Слышишь, Коля, это ангелы поют
На твоих обетованных небесах...

***

Всё столь ожидаемо, сколь и неожиданно.
Сгорают сентябрь, открываются дали,
Слетает листва, небеса обнажая...

И снимок на память.

Вы этого ждали?

Фотограф снимает: внимание — вспышка!
И в вечность мгновение перетекает,
Застыли улыбки на лицах, и листья...
И только фотограф остался за кадром.

А листья летят и кружатся, и каждый...
И люди не вечны, меняются лица...
И вечно фотограф — за кадром...

А в кадре:

Улыбки и лица... И — осень! И — листья!..

***

Дождём пролита ро́ща светлая,
парит земля... — Христос воскрес! —
проклюнувшись, травинки свежие
пасхальной зеленью согреть
уже пытаются отчаянно округу,
брызнет всё листвой вот-вот,
и чувство из-печальное
воскреснет радостью живой!